

Стихи о войне

О чем ты думаешь, солдат...

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

О чём ты думаешь?..

О чём ты думаешь, солдат,
Взойдя на гребень перевала?
Кругом, куда ни кинешь взгляд,
Лишь только пропасти да скалы.

Кругом маньчжурская земля,
Хребты её непроходимы...
Как далеко сейчас поля
И рощи Родины любимой.

Шагаем день за днём подряд,
И зной палёт нас неустанно.
Куда же ты глядишь, солдат,
С заоблачных высот Хингана?

— Мне даль таёжная видна,
Волна песчаный берег лижет.
Там Родина лежит. Она,
Чем дальше я, тем сердцу ближе.

* * *

Идём по спалённой пустыне,
По руслам исчезнувших рек...
Мне кажется: падает синий,
Пушистый, сверкающий снег.

Не звёзды ль вступили в круженье?
Боец любоваться не прочь,
Но нас ожидает сраженье
В грядущую черную ночь.

Песок точно после пожарищ,
Колюча сухая трава...
— Гляди! — восклицает товарищ, —
Сверкает озёр синева!

Нам кажется: плещется влага,
И мы убыстряем шаги.

Милей, чем столетняя брага,
Воды животворной круги.

Как будто доносится свежесть
Сквозь горький, томительный зной,
Сквозь лютую эту безбрежность
Озёра зовут белизной.

Дорога куда-то отбилась.
К терпению себя приневолю.
...В озёрах вода испарилась,
Осталась лишь горькая соль.

И снова пылает дорога,
Пески обжигают, палят.
— Ну, что ж, до колодца немного, —
Со вздохом промолвил солдат.

Танк в облаках

Танк на Хингане. Вестник нашей славы,
Он вознесён на гребне в облака,
Как монумент могущества Державы,
Прославленной отныне на века.

Травую зарастут войны дороги,
Но этот танк от Родины вдали
На башне сохранит простые строки:
«Здесь в сорок пятом Русские прошли!»

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

* * *

Когда смотрю	Колхозный
На это фото,	Бывший председатель,
Я, как мальчишка, встрече рад:	А ныне — фоторепортёр,
Передо мной —	Загнал солдат
Родная рота, —	В видеоискатель
Сто двадцать стриженных ребят.	И расстрелял
Они,	Бедняг в упор.
Друг к другу прижимаясь,	Он громко кашлял то и дело.
Стоят у каменной стены.	И знал, провидец, наперёд,
Стоят,	Что этот снимок чёрно-белый —
Беспечно улыбаясь,	Всех, кто на нём, —
Как будто нет уже войны.	Переживёт!..

Разведчики

Подбирались ночки потемнее,
Подождливей
Или поснежней.
Подбирались парни посильнее,
Одевались парни потеплей.
Подбирались со вся России,
В жизни не умевшие тужить.
Подбирались парни,
Да такие, —
Гору сдвинут, — только прикажи!

Затянувшись папироской поровну
И поправив «финку» на ремне,
Молча уходили на «ту сторону»,
Чтоб побыть с судьбой наедине.
Уходили тихо, не прощались,
Даже без обычного: пока!
Многие назад не возвращались,
Жизнь свою отдав за «языка».
Так и шли неделя за неделей.
Нынче бой,
А завтра снова бой...
Ордена они свои надели,
Лишь когда поехали домой!..

ПЁТР РЕУТСКИЙ

9 мая

Женщина погибшего на фронте
Спит у железнодорожных касс.
Вы её, пожалуйста, не троньте.
Пусть она не беспокоит вас.

И лежит у ног её послушно
Старый пёс, не видевший войны.
На людей он смотрит равнодушно
Со своей собачьей стороны.

Слышите, гремит салют в столице,
Как гремел он много лет назад.
Москвичей улыбочивые лица
Смотрят на торжественный парад.

Что бы там такое ни сказали,
Разве только высунет язык.
Он привык к ночёвкам на вокзале
И к причудам женщины привык.

Женщина сидит в тени от флага,
Завернувшись в шалевый платок.
На коленях — фронтовая фляга,
В ней, должно, спасительный глоток.

Всё, как есть — на свете понимая,
Одного лишь старый пёс не знал:
Ну, зачем она с приходом мая
Каждый год приходит на вокзал?..

Сорок второй

Не назову счастливым детство,
Безрадостным не назову,
И не найду, куда мне деться
От дум, которыми живу.

Пораньше спать в углах мостились.
Не потому что света нет,
А потому что ночью снились
Хлеб довоенный и пахнет.

Воспоминаний целый кузов
И в день, и в ночь идут ко мне.
Родился я в краю арбузов,
А вырос я в краю камней.

Однако, сыт не будешь снами.
И утром вновь гудел наш дом.
Мать никогда не ела с нами,
Всё говорила: «Я потом...»

Смерть берегла меня упрямо.
Я не сидел бы среди вас,
Когда б не мать моя, не мама,
Меня спасавшая не раз.

И ты, привычка лет голодных,
Жила в ней до последних дней.
Ни модных шляп, ни туфель модных
Так и не видел я на ней.

Ты знаешь, что такое голод?
Ты знаешь только по кино.
Сорок второй. Январский холод.
Нет электричества — темно.

Не знали мы — «родные крошки» —
Последствий страшных той зимы...
Мать ела драчны из картошки,
А хлеб и сахар ели мы.

Мелочь

Пришел служивый человек
Из дальнего похода.
Он дома не был целый век,
Четыре долгих года.
Прошел с боями «крым и рым»,

Потом ещё полсвета,
Своим детишкам четверым
Принёс он власть Советов.
Уселись дети на диван,
Как на пенёк опята:

Наташка, Галька, Глеб, Иван, —
А это кто же, пятый?
Сидит двухлетний мужичок
Как равный среди равных.
Сползла слеза с небритых щёк,
Горячая, как раны.
Не верь, солдат, своим глазам.
И рад не рад служивый,
Что цел их дом,
что цел он сам,
И все детишки живы.
Что так же злится пёс цепной
У справного соседа?
Молчит солдат,

большой ценой
Далась ему победа.
Солдат с соседом водку пьёт —
Ну что молва людская —
Попьёт, попьёт, жену побьёт,
Детишек приласкает.
Расти, малыш, твоя ль вина,
что год без урожая.
Так повелось: кому война,
Кому жена чужая.
Когда бы не было беды,
И счастья б не имелось.
Хватало б только всем еды,
А остальное — мелочь.

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВ

21 июня 1941 года

1.

Я сдал на пятёрку последний экзамен,
хотелось плясать, на качелях качаться,
моторку окинув шальными глазами,
с любимой по Яузе лихо промчатся.
Услышать, как плещет она под окошком,
с улыбкой внимать петушинуму крику,
и, встав спозаранку, с ведром и лукошком
к знакомой поляне поспеть на клубнику.
Спешили в кино беззаботные люди,
везли ещё хлеб для Берлина составы...

А немцы уже наводили орудия
на наши заставы.

2.

А мать была рада, что за две недели
достала на сочинский поезд билеты.
Вокруг пассажиры толкались, галдели,
мечтая добраться до южного лета.
Бежали навстречу берёзы и липы,
чернели дождями размытые тропы.
На станциях бабы кричали до хрипа,
торгуя горячей картошкой с укропом.
В вагоне смеялись. А возле окна
динамик хрипел:

— Если...

завтра...

война...

22 июня 1941 года

Сулил воскресный вечер танцы,
смолил смычки концертный зал,
но шли в колоннах новобранцы
не на концерт, а на вокзал.
Шли с полной выкладкой, сутулясь,
суровые не по годам,

сквозь строй знакомых с детства улиц,
к разгорячённым поездам.
Уже не мальчики — солдаты,
герои будущих побед!
Они ни в чём не виноваты,
но им пришлось держать ответ.

СЕРГЕЙ ИОФФЕ

Неужто день такой придёт?

Неужто день такой придёт
и час придёт, когда
меня ребята позовут
на пионерский сбор?
Я им скажу: ошиблись вы,
я не герой труда,
я детских книжек не пишу,
я не киноактёр.

И мне ответят: сбор у нас
Победе посвящён,
а это значит — рассказать
должны вы о войне...
Я буду просьбою такой,
Конечно же, смущён
И возражу я им: друзья,
Ошиблись вы вдвойне.

Когда вломился к нам фашист,
мне не было семи.
Немного надо подрасти —
я это понимал.
Но в сорок пятом, в десять лет,
удрал я из семьи.
Меня поймали. Я ревел.
Сказали: глуп и мал...

Итак, для сбора не гожусь,
не воевал ни дня.
Придётся сбор перенести —
беда не велика.
Я дам совет искать того,
кто был взрослей меня,
искать бывалого бойца,
искать фронтовика.

В ответ услышу я слова
прискорбные о том,
как безуспешно поиск вёл
повсюду их отряд,
как шли ребята по дворам,
как шли из дома в дом,
как обратились, наконец,
они в военкомат.

И там полковник принял их.
И молча слушал он.
Вздыхая, списки полистал,
что были так длинны.
А после, встав из-за стола,
сказал: «На весь район
отныне нет ни одного
участника войны».

Неужто день такой придёт?..
Над смертью власти нет.
Но память надо сохранить.
Горнист, всеобщий сбор!
Я расскажу вам о войне —
мальчишка, шпингалет,
не пехотинец, не танкист,
не лётчик, не сапёр.

Но я тем воздухом дышал,
я тою жизнью жил!
Свернуть угольником письмо
до сей поры могу.
Я из газет, где «Смерть врагу!»,
свои тетради шил,
чтоб между строчек выводить
всё то же: «Смерть врагу!»

Я расскажу вам о войне,
когда мой день придёт.
И коли вправду суждено
такому дню прийти,

пускай сначала он на год,
потом ещё на целый год
и вновь на долгий-долгий год
задержится в пути.

ЕВГЕНИЙ ВАРЛАМОВ

В последнюю неделю

*Отцу — Петру Михайловичу,
отвоевавшему в ту войну
с такую же распевкой...*

...Последнюю неделюшку
стели, жена, постелюшку.
А потом постелюшкой
станет мне шинелюшка.

Нет моей охотушки
помирать в пехотушке...
Сквозь шинель с иголки
саданут осколочки...

И на дне окопчика,
замерзая с копчика,
буду под ознобушкой
вспоминать зазнобушку.

В медсанбате с краешку,
в лазаретном раюшке,

мне она привидится —
жаркая, придвинется...

Но не будет милушки
у моей могилушки.
Кабы сына-доченьку
в расставанья ноченьку...

Треугольник-весточка,
а потом повесточка:
у чужого Таллина
за победу Сталина...

Так стели постелюшку
эту мне неделюшку.
Никуда не денешься —
в чёрное оденешься.

ГЕННАДИЙ ГАЙДА

Утро 9 мая

Тучи низко идут над Кремлёвской стеной,
В небе отсвет знамён войсковых.
Мы деревни сдавали высокой ценой,
Оттого лишь не сдали Москвы.

Поминальную скатерть в широкой степи
Мы расстелим, свободой дыша.
Не посмеет и пяди врагу уступить
Безутешная наша душа.

Вскормлённый правдою жестокой,
как судный день, он шёл с востока.
Врагу за всё воздав сторицей,
дошёл до вражеской столицы.

И сам, должно быть, удивился,
когда с врагом пайком делился.
Детей убийц своих детей
спасал, как собственных детей.

Не мстил — спасал, великодушием
спасая собственные души.
И вслед за словом «победитель»
из края в край —
«освободитель»!
Велик солдат-победонесец,
но во сто крат — свободоносец.

Георгий с дедовских икон
прошёл сквозь пламень и металл,
и наш победный лексикон
миролюбивость обретал.

Так воин правил наш язык
в пути с восхода на закат.
Трудны, но праведны азы
такого языка.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Ожидание

Майский вечер тихий и погожий.
Стук весла доносится с проток.
Окропил черёмушник порошей
Полинявший ситцевый платок.

Белая, похожая на птицу,
Сколько вёсен мается, не спит,
Верит в чудо: кто-то возвратится,
Осторожно в раму постучит.

Скрипнут ли ворота полевые,
Пропылит ли всадник вдалеке —

Заслеятся очи голубые,
Выбегает глянуть належке.

Кто вернулся, кто по взгорку скачет?
Ветер в доме высвистел углы.
Жить бы детям в счастье да удаче —
На чужой сторонке полегли.

Вырос внук, а боль не пересилить.
В сумраке распахнутых дверей
До сих пор седая мать Россия
Ожидает с фронта сыновей.

22 июня

Опустится на травы мгла ночная,
В расщелинах гадюки затаятся,
Зверёк пушистый спрячется в дупло,
В лесу паук — разбойник шестиногий
Торопится опутать в паутину
Уснувшие озёра и кусты.

В дыму луна солдатской ржавой каской
Повиснет на доверчивой берёзе,
И хочется с берёзы снять луну:
От ветерка малейшего сорвётся
И упадёт на вызревшие росы,
Раздавит птичье гнёздышко в цветах.

В такую ночь, холодную, сырую,
Молчит,
 забившись под крыльцо, собака,
А куры не к хорошему поют,
На улицу боятся выйти дети,
Им кажется,
 не вспыхнет больше солнце
И утро не вернётся никогда.

В такую ночь погибшим нет покоя —
Из прошлого гремят, взрываясь, бомбы,
Кипят моря, горят материки,
И сборища отпетых негодяев,
Справляя пир в бетонных казематах,
Пьют жадно человеческую кровь.

Но солнце поднимается над миром!
И липкую ночную паутину
Свободно режут ножницы лучей,
В тартарары летит с берёзы каска,
И женщины смеются у колодца,
И с ветерком бодается телок.

* * *

Прошли неласковые годы.	Надев охотничью сермягу,
И спину разогнула мать.	не говорил он о войне...
Отец вернулся из похода,	А я медалью «За отвагу»
Вернулся зверя промышлять.	Играл в пристенок по весне.

22 июня 1986 г.

Кружит орёл, ища в реке добычу.
Вон дети пастуху несут обед.
Как всё знакомо взгляду, как привычно...
Давно изжита скорбь военных лет.

И будто вдовы здесь не голосили,
Не заглушала стёжки лебеда...
И кажется: в спокойствии и силе
Пройдут ещё немалые года.

Мать

Проходили дорожные
Прямоком через лес.
Поселенцы, острожные,
Кто с котомкой, кто без...

Ты крестовыми знаками
Осеняла сынов.
Ночи втайне проплакала
От сиротушек, вдов.

Проезжали законники.
На плечах — вензеля.
После красные конники
Просвистели, пыля.

Повстречал за деревнею
Вечно скорбную мать,
Шелестящую, древнюю...
Ей одной помирать.

А за ними с теплушками
Пропыхтел паровоз,
Мирных пахарей с пушками
К Ленинграду увёз.

Мир замкнулся околицей.
Ой ты, долюшка — Русь!
За родимую вольницу
В ноги ей поклонюсь.

АНАТОЛИЙ ЗМИЕВСКИЙ

Дед

Не в болезни бредили
и не от вина.
Выспренно — трагедия,
попросту — война.

— Сгинул, кроме нескольких,
весь мой батальон...

На родных развалинах
верный пёс лежит.
Победили, справились!
Как же дальше жить?

— Стыдно мне, послушайте, —
дед ещё отпил, —
помню друга лучшего,
а лицо забыл...

Земляки, товарищи,
не прорваться вам,
и вы всё мытаритесь
где-то по фронтам...

Как найти название?
Все слова — слюна.
Книжно — испытание,
жизненно — война.

Дед, хлебнув «домашнего»,
плачет невпопад,
словно перед павшими
в чём-то виноват.

Дед седые пряди
стиснул в кулаке:
— А на том параде
снег валил в Москве...

С горестным всплесками
всхлипывает он:

Тайна для соседей —
раны, ордена...
Для кого — трагедия,
для кого — война.

АЛЕКСАНДР КОБЕЛЕВ

Два командира

Наш батальон всего-то
четыреста солдат,
два командира роты
и раненый комбат.

Один запомнил свято —
Мать-Родина зовёт! —
Кричал: Вперёд, солдаты!
Вперёд! Вперёд! Вперёд!

Другой же помнил свято
КТО за его спиной,
кричал: За мной, ребята!
За мной! За мной! За мной!

Геройски оба пали
в бою за высоту.
Кто видел, тот едва ли
забудет схватку ту.

Как шёл на пулемёты
наш малый батальон,
два командира роты
вели нас с двух сторон.

Кто первый, кто последний —
в бою кто разберёт?
В глазах огонь и тени,
в ушах: Вперёд! Вперёд!

Бежал Один комроты
в цепи своих солдат.
Рванул в цепи пехоты
осколочный снаряд.

Не видя что там, кто там
за чёрной пеленой,
бежал Другой комроты,
кричал: За мной! За мной!

Но с флангов полоснули,
а он был впереди,
и справа, слева пули
сошлись в его груди.

Заткнулись пулемёты
атакою двух рот,
но пал один комроты,
кто дал приказ: Вперёд!

Лежит, молчит, но словно
перевернулся мир,
и прозвучало скорбно:
Прощай, наш командир.

И пал тот, кто когда-то
нас звал: За мной! За мной!
И плакали солдаты:
Прощай, отец родной!

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

22 июня 1941-го

Я пытаюсь представить
Первый выстрел войны.
...Над притихшей заставой
Лопнул трос тишины.

Чуть качнулись деревья.
Звук ещё не потух.
В приграничной деревне
Задохнулся петух.

Ещё эхо не взрыло
Голубичную глуть.

Ещё в миге от взрыва
Недостроенный клуб.

И испуганным птицам
Непонятен испуг.
Ещё светом зарницы
Не окрасился луг.

И чиста, словно в призме,
Полоса синевы.
И горячая гильза
Не коснулась травы.

Сибирские обелиски

А память то вдали, то очень близко
Вдруг просвистит осколком тишины...
Стоят в сибирских сёлах обелиски —
Заочные свидетели войны.

Стоят, не видевшие боя,
В краю, под небом ледяным,
Как будто заслонить хотят собою
Тех, кто живёт, тех, кто приходит к ним.

* * *

А.В. Звереву

Мы вернулись, мы всё же вернулись
Из кровавой смертельной дали.
Людам, встретившим нас, улыбнулись,
Позабывших о нас не кляли.

Пусть война остаётся войною.
За родные святые места

Заплатили мы платой тройною
И пред родиной совесть чиста.

Из стола ордена извлекая,
Внук играет в сиянье любви.
И незыблема память людская,
Память сердца и память крови.

ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ

Ночью у могилы неизвестного солдата

Лил дождь,
и лебеди летели,
чтоб ночь в полёте скоротать.
И в дождь,
и в жгучие метели
ему на площади стоять.

И снова наступает вечер,
и снова
улицы пусты.
И сводит каменные плечи
под плащ-палаткой
темноты.

В Орле,
в Рязани
иль в Иркутске
живут у парня земляки.
Ему бы сесть, переобуться
и, похоронке вопреки,

в тот край,
где пролетело детство,
вернуться на исходе дня.
В избе родимой
отогреться,
а не у Вечного огня.

Почтальонша

Как долго —
Через всю Россию —
Шли письма.
Днём и по ночам.

А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержанье различать?

Обманчивость благополучья —
Во много раз
Была страшней,
Родных мужицких закорючек —
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих, то в дрожь,
Солдатки знали —
По походке —
С какой ты весточкой идёшь.

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

* * *

*Ветеранам и участникам Великой
Отечественной войны посвящается*

Позади грозная эпоха —
Сколько жизней взяла на погост?!

Но никто до последнего вздоха
Не свернул с этих огненных вёрст.

...А живые, кто хмеля отведал
Из кровавого чана войны, —
Вы огромной ценой за Победу
Заплатили для нашей страны...
Вас сегодня осталось немного —
С каждым годом редет в строю...
Но по воле провидца и Бога —
Я о вас, о героях, пою...

Пели вам и Бернес, и Вуячич
О саднящей тоске журавлей.
И в сумятице дней тех горячих
Мнился мир вам добрей и светлей.
...От души мы желаем вам счастья,
Самых светлых и солнечных лет,
Чтоб великое ваше участие
Русь хранило от будущих бед!

МИХАИЛ КРИВОШЕИН

* * *

Строгими солдатскими рядами
Дни прошли, мелькнули, словно тень.
Я скажу вам честно, между нами,
Не могу забыть я этот день.

Как собаки, тявкали зенитки,
«Мессеры» грозили нам огнём.
Мы в окопах вымокли до нитки,
Осень обстреляла нас дождём.

Протопить по-чёрному бы баньку,
С веником в парной поколдовать.
Окликаю я соседа Ваньку:
«Лезут, гады, кажется, опять».

Мы не раз сходились с ними в драке,
Бились насмерть — немцы и свои.

...ухали зенитки,
И пулемёты сыпали галдёж,
Мы вымокли (хоть выжимай) до нитки,
А может, пропотели — не поймёшь.

М. Дудин

Две последних вражеских атаки
Захлебнувшись в грязи и крови.

Не уснуть нам, видно, этой ночью —
По пятам идёт за нами смерть.
Завтра с ней мы встретимся воочию,
Там, где гром и стали круговерть.

Здесь шумят весёлые берёзки,
Позабыв на время о войне.
Санинструктор девушка, их тёзка,
Раны перевязывает мне.

Вороньё о чём-то спорит с жаром,
Крутят жизни страшное кино.
Птицы, опалённые пожаром,
Разливают горечи вино.

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

* * *

Косу взяла и вспомнила про мать.
Наймичкою в войну косила ночью,
Чтоб сыновей и дочерей поднять,
Не покладала рук своих рабочих.

А вилы взяв, я вспомнила отца,
И стать его, и нрав его крутой...

Он в форме рядового и бойца
Россию спас фронтами мировой.

Вот так с землёю чередой своей
Из рук да в руки. Из колен в колено
Предназначеньем родовых корней
И тайною всех русских поколений

Передаётся память на земле
Всех, кто в России сотворены Богом.
Вот почему за отчим за порогом
Беспмятные мы живём во мгле.

Вот почему и ополчился враг
На русский быт и русскую деревню,

Что не прервётся голос крови древней,
Когда нам плуг как твердь, а вилы — стяг.

И всё вольнее дышится окрест,
И чаще на лугах смеются дети,
Когда высокий православный крест
Неопалимо рдеет на рассвете!

ВЛАДИМИР СКИФ

Стихи, написанные в день тридцатилетия Победы

Я наделён уменьем — успевать.
Была война, я вовремя родился,
В традиционной зыбке очутился,
Чтоб бессердечно к матери взывать.

Что было или не было со мной,
Не помню я, но знаю — это было!
Была война... Страну ещё знобило,
Но пахло невоенною весной.

Она пришла, как всадник на рысях,
А вместе с ней — отцовская походка...
Огнями опалённая пилотка
Упала, зацепившись за косяк.

Был поздний вечер. Мы уже легли.
Отец ловил нас поцелуем жадным,
И три медали ярко и державно
Над нами, несмышлёными, цвели.

На свете мир! А в мире — торжество!
О, как звучала музыка Победы!
И песни те, которые пропеты
В тот день и в честь рожденья моего.

Былое прикасается ко мне.
Из сердца не уходит лихолетье...
Негромкое моё тридцатилетье
К Победе приурочено, к войне!

Ложка

Помыты банки из-под молока,
Их чистый свет колеблется у полки.
На отчий дом смотрю издалека
И вижу всё — от ложки до иголки.

Та ложка появилась до войны,
Потом с отцом отсутствовала долго.
На ней ещё отметины видны
От острого немецкого осколка.

...Когда врасплох ударил пулемёт,
Отец мой из-за бруствера взгляделся
В зарытый, скрытый на высоте дот
И проворчал: — На Бога не надейся!

Со смертоносной связкою гранат
Отец пополз, испытывая долю.

И друг его — такой же лейтенант —
За ним, рискуя, двинулся по полю.

Они ползли к фашисту напрямиком,
А ложка из отцовского кармана
Торчала и внимательным глазком
Смотрела на Петра и на Ивана.

Рванул снаряд, как тяжкий барабан.
Ах, милые! Вы сделали оплошку!
Затих осколком срезанный Иван,
Другой осколок шмякнулся об ложку.

...Смотрю на ложку. Вот её изъян:
Следы-бороздки, а на донце — дата.
Спасибо, ложка, ложка-ветеран,
За то, что ты уберегла солдата!